

На правах рукописи

МАТАСОВА УЛЬЯНА ВАЛЕРИЕВНА

**МОТИВ «ВОДНОЙ ДЕВЫ» В ТВОРЧЕСТВЕ НЕМЕЦКИХ И РУССКИХ
ПИСАТЕЛЕЙ ЭПОХИ РОМАНТИЗМА**

Специальность 10.01.03 – литература народов стран зарубежья

(немецкая литература)

10.01.01 – русская литература

АВТОРЕФЕРАТ

Диссертации на соискание учёной степени

кандидата филологических наук

Нижний Новгород 2011

Работа выполнена на кафедре всемирной литературы филологического факультета ФГБОУ ВПО «Нижегородский государственный педагогический университет»

Научный руководитель доктор филологических наук, профессор
Ильченко Наталья Михайловна

Официальные оппоненты доктор филологических наук, профессор
Родина Галина Ивановна
доктор филологических наук, профессор
Зотов Сергей Николаевич

Ведущая организация Государственный институт
русского языка им. А.С.Пушкина

Защита диссертации состоится «23» декабря 2011 г. в 15.00 часов на заседании диссертационного совета ДМ 212.166.02 в ГОУ ВПО «Нижегородский государственный университет им. Н.И.Лобачевского» (603000, г. Н.Новгород, ул.Большая Покровская, 37, ауд.312). С диссертацией можно ознакомиться в фундаментальной библиотеке ГОУ ВПО «Нижегородский государственный университет им. Н.И.Лобачевского» (603950, г.Н.Новгород, пр-т Гагарина, 23).

Текст автореферата размещён на сайте ГОУ ВПО «Нижегородский государственный университет им. Н.И.Лобачевского»: www.unn.ru

Автореферат разослан «_____» _____ 2011г.

Учёный секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук, доцент

И.С.Юхнова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

В эпоху романтизма, зародившегося в конце XVIII – начале XIX вв. в Германии¹, усилился интерес к мифологии, к фольклору. Новая романтическая философия мифа формировалась в русле мифологической школы, философской основой² которой стали идеи Ф.В. Шеллинга и братьев Шлегель. Миф трактовался как «эстетический феномен»³, ему придавалось особое значение как прототипу художественного творчества, имеющему глубокое символическое значение. Источниками новой мифологии стали греческая мифология, средневековое католичество, дополненное натурфилософским мистицизмом Я. Бёме. Эти идеи разрабатывались применительно к фольклору гейдельбергскими романтиками А. фон Арнимом, К. Brentano⁴, братьями В. и Я. Гримм⁵.

Фольклор воспринимался как проявление высшей художественности. Это обусловило возникновение в произведениях немецких и русских романтиков образа «водной девы», формирование которого происходило под воздействием различных факторов: фольклорно-мифологических элементов, средневековых легенд, представлений о существовании различных стихий, а также взаимодействия различных литературных традиций, заимствования, постоянной переработки, авторской интерпретации этого образа.

Образ «водной девы» возник в русской литературе XIX века в результате «начала европейского диалога русской литературы»⁶, который стал возможен благодаря «синхронизации русской и европейской

¹Начало романтизма связывают с именами двух немецких писателей – В.Г. Вакенродера и Л. Тика и их совместной книгой «Сердечные излияния любящего искусство монаха» (1797).

²Философская основа романтизма была разработана И. Кантом («Критика способности суждения» (1790), И.Г. Фихте («Система учения о нравственности» (1798) и Ф. Шеллингом («Идеи к философии природы» (1797), «Философия искусства» (1802-1803), «Философия мифологии» (1843).

³Шеллинг Ф. Философские исследования о сущности человеческой свободы//Шеллинг Ф. В. И. Сочинения: В 2 т. – М.: Мысль, 1989. - Т. 2. – С.374.

⁴Они собирают песни и публикуют два сборника под названием «Волшебный рог мальчика» (1806, 1808). Эти книги показали богатство и своеобразие немецкой народнопоэтической традиции.

⁵Братья Гримм издают «Детские и семейные сказки» (1812-1814), «Немецкие предания» (1816-1818), Я. Гримм создаёт труд «Немецкая мифология» (1835), где опираясь на огромный фактический материал, разнообразные фольклорные и мифологические источники, прослеживает генеалогию германских богов, проводя параллель с античной, скандинавской, восточной мифологией.

⁶Луков Вл.А.Русская литература: генезис диалога с европейской культурой: Научная монография. - М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2006. – С.27.

литератур»⁷ в XVIII веке. В его основе лежала переводческая деятельность В.А. Жуковского.

Германию и Россию всегда связывали особые отношения. И.В. Добряк отмечает: «Противоречия и конфликты порой разделяли немецкий и русский народы. Но ни с одним из неславянских народов русские не имели такого тесного, хотя и очень «домашнего» соприкосновения и такого интенсивного, хотя и очень своеобразного общения и противоборства, как с немцами»⁸. Начало русско-немецкого диалога связано с именами И.В. Гёте, Ф. Шиллера и В.А. Жуковского.

Актуальность диссертационной работы обусловлена насущной потребностью исследования принципов взаимодействия различных культур. Одним из аспектов данной проблемы явился вопрос о характере и степени восприятия одной ментальности другой как в историческом, так и типологическом плане.

Образ «водной девы» в немецком литературоведении был проанализирован в разных аспектах. В. Мертенс⁹, М. Гайер-Борувка рассматривали его как проявление мотива Мелюзины¹⁰. Исследователь И. Стефан видел в образе «водной девы» проявление женского начала, связанного с жизнью и смертью¹¹. О. Флёк¹², Ю. Хаупт¹³, М. Шмиц-Эманс¹⁴ представляли его как воплощение одного из первоначальных природных элементов. В работах П. Матта¹⁵ и А. Борманна¹⁶ особое внимание уделено

⁷ Там же. – С.26.

⁸ Добряк И.В. Диалог культуры и русско-немецкие связи // Русская и европейская философия: пути схождения. – СПб, 1999. – С. 14.

⁹ Mertens V. Melusinen und Undinen in der Literatur vornehmlich des 20. Jahrhunderts// Die deutsche Literatur im 20. Jahrhundert. – Berlin, 1993. - S. 475-491; Mertens V. Melusinen, Undinen. Variationen des Mythos vom 12. bis zum 20. Jahrhundert // Festschrift Walter Haug und Burghart Wachinger. – Tübingen, 1992. - S. 201-231.

¹⁰ Geier-Boruvka M.: Wasserfrauen suchen ihre Seele. Über Venus, Undine, Melusine und andere Nixen in ihrem Element // Literatur in Bayern, 2006. - № 21. - S. 34-41.

¹¹ Stephan I. Weiblichkeit, Wasser und Tod. Undinen, Melusinen und Wasserfrauen bei Eichendorff und Fouqué // Weiblichkeit und Tod in der Literatur. Hg. von Renate Berger und Inge Stephan. - Köln, 1987. - S. 117-139.

¹² Floeck O. Die Elementargeister bei Fouqué und anderen Dichtern der romantischen und nachromantischen Zeit. - Bielefeld, 1910.

¹³ Haupt J. Elementargeister bei Fouqué, Immermann und Hoffmann. - Leipzig, 1923.

¹⁴ Schmitz-Emans M. Wasserfrauen und Elementargeister als poetologische Chiffren // Liebe und Gesellschaft. Das Geschlecht der Musen. Hg. von Hans-Georg Pott. - München, 1997. - S. 181-229.

¹⁵ Matt P. Liebesverrat. Die Treulosen in der Literatur. – München, Wien, 1989.

теме измены, которая связана с мотивом «водной девы». И. Рёблинк в предисловии к книге «Томление и Сирены. Четырнадцать сочинений о водных фантазиях»¹⁷ назвал образ «водной девы» «комплексным культурным феноменом» (“komplexen Kulturphänomens”) и трактовал интерес к Сиренам, Нимфам, Ундинам, Никсам, Нереидам, Океанидам в рамках гендерного подхода. С историко-экологической точки зрения исследовал взаимоотношения олицетворяющей природу «водной девы» и человека М.Фогель¹⁸. Немецкая исследовательница Беттина Менке¹⁹ рассматривала образ «водной девы» как персонализацию звука, голоса (Stimmen), эха (Echos).

В отечественном литературоведении образу «водной девы» – Лорелеи – посвящена работа А.С. Бакалова²⁰. Исследование образа Лорелеи как героини немецкой романтической баллады представлено В.А. Прониным при рассмотрении творчества Г. Гейне²¹. К повести «Ундина» обращена статья Д.Л. Чавчанидзе «Романтическая сказка Фуке»²². Перевод повести «Ундина» Жуковским, восприятие его в контексте русской культуры П.А. Плетнёвым, А.И. Герценом, В.Ф. Одоевским, И.С. Тургеневым, создание «своей» оперы «Ундина» было рассмотрено в статье Е.В.Ланды «Ундина» в переводе В.А. Жуковского и русская культура»²³.

Бытование образа русалки в произведениях А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя отражено в статье Н.А. Борисовой «Арзамасские» истоки пушкинской «Русалки»²⁴. Ю. Манн, соотнося

¹⁶ Bormann A. Das dämonische Weib. Liebesverrat und unerlöste Kraft bei Fouqué, Brentano und Eichendorff // Codierungen von Liebe in der Kunstperiode. Hg. von Walter Hinderer. - Würzburg, 1997. - S. 213-235.

¹⁷ Sehnsucht und Sirene. Abhandlungen zu Wasserphantasien/I.Roebling. – Pfaffenweiler. - 1991.

¹⁸ Vogel M. «Melusine... das lässt aber tief blicken». Studien zur Gestalt der Wasserfrau in dichterischen und künstlerischen Zeugnissen des 19. Jahrhunderts. – Bern, 1989.

¹⁹ Menke B. Prosopopöia: Stimme und Text bei Brentano, Hoffman, Kleist und Kafka. – München, 2000. - S.492.

²⁰ Бакалов А.С. Й. фон Эйхендорф и Шамиссо (очерки поэтического творчества): Монография. – Самара: СамГПУ, 2003. – 219 с.

²¹ Пронин В.А. Поэзия Генрих Гейне: генезис и рецепция. – М.: Наука, 2011. - 244 с.

²² Чавчанидзе Д.Л. Романтическая сказка Фуке // Фуке Ф. де ла Мотт «Ундина». – М.: Наука, 1990.

²³ Ланда Е.В. «Ундина» в переводе В.А.Жуковского и русская культура // Фуке Ф. де ла Мотт «Ундина». – М.: Наука, 1990.

²⁴ Борисова Н.А. «Арзамасские» истоки пушкинской «Русалки» // Литературное общество «Арзамас»: культурный диалог эпох: Материалы международной научной конференции. – Арзамас: АГПИ, 2005.

фантастическое и реальное, увидел в образе русалки (повесть «Майская ночь, или Утопленница») единственное проявление добрых сверхъестественных образов в творчестве Гоголя²⁵.

Отдельное внимание уделено образу «водной девы», бытующему на сцене, в сопоставлении с драматическим воплощением Пушкина. Это работы И.Н. Жданова²⁶ и Н.В. Губкиной²⁷.

Аналізу мотива «водной девы» в славянской и других европейских литературах посвящена работа Р. Грюбеля²⁸.

В учебниках и учебных пособиях по истории зарубежной литературы XIX века мотив «водной девы» обычно представлен в связи с рассмотрением творчества Г. Гейне и образом Лорелей²⁹.

В последние годы были защищены кандидатские диссертации, исследующие в разных аспектах творчество анализируемых авторов. Это работы Григорьевой И.С.³⁰, Петривней Е.К.³¹, Прощиной Е.Г.³², Никоновой Н.Е.³³.

Работа Е.Г. Прощиной посвящена изучению мифотворчества Ф. де ла Мотт Фуке «в контексте философско-эстетических исканий романтиков в области теории мифа»³⁴. Григорьева и Прощина впервые исследовали творчество Фуке, представленное до них в отечественной науке эпизодически. Интересен труд Никоновой, которая, проанализировав

²⁵ Манн Ю. В. Фантастическое и реальное у Гоголя // Вопросы литературы, 1969. - № 9. - С. 106-125.

²⁶ Жданов И.Н. «Русалка» Пушкина и “Das Donauweibchen” Генслера // Жданов И.Н. Сочинения: в 2 томах. – СПб: Изд-во Отделения русского языка и словесности Академии наук, 1907. – Т.2.

²⁷ Губкина Н.В. Немецкий музыкальный театр в Петербурге в первой трети XIX века. – СПб: Дмитрий Буланин, 2003.

²⁸ Grübel R. G. Sirenen und Kometen. Axiologie und Geschichte der Motive Wasserfrau und Haarstern in slawischen und anderen europäischen Literaturen. - Frankfurt am Main, 1995.

²⁹ История зарубежной литературы XIX века / Под ред. Н.А.Соловьёвой. – М., 1991; История зарубежной литературы XIX века. В 2-х ч.: Ч.1 / Под ред. А.С.Дмитриева. – М., 1979.; Храповицкая Г.Н. Романтизм в зарубежной литературе. (Германия, Франция, США). Практикум. – М.: Академия, 2003.

³⁰ Григорьева И.С. Специфика ранней драматургии и новеллистки Ф. де ла Мотт Фуке. Мировоззрение и поэтика: Дис. на соискание уч. степ. канд. филол. наук. - М., 1998.

³¹ Петривняя Е.К. Немецкая романтическая литературная баллада, I половина XIX века: К. Брентано, Э.Мерике: Дис. на соискание уч. степ. канд. филол. наук. - Н. Новгород, 1999.

³² Прощина Е.Г. Романтическая концепция мифа и её отражение в малой прозе Ф. де ла Мотт Фуке: Дис. на соискание уч. степ. канд. филол. наук. – Н.Новгород, 2004.

³³ Никонова Н.Е. Стихотворные повести В.А.Жуковского 1830-х годов: проблема перевода и мифопоэтики: Дис. на соискание уч. степ. канд. филол. наук. - Томск, 2005.

³⁴ Прощина Е.Г. Романтическая концепция мифа и её отражение в малой прозе Ф. де ла Мотт Фуке: Автореф. на соискание уч. степ. канд. филол. наук. – Н.Новгород, 2004. – С.4.

переводы Жуковского (в частности «Ундины»), выделила морской мотив, мотив ундины и др.

Объектом изучения стали произведения немецких и русских писателей эпохи романтизма, в которых воплотился мотив «водной девы».

Предметом нашего исследования явился мотив «водной девы» в творчестве немецких и русских писателей-романтиков первой половины XIX века.

Материалом исследования послужили оригинальные тексты немецких писателей-романтиков: К. Брентано «Лорелея» (“Die Lore Lay” (1801–1802), «Рейнские сказки» (“Rheinmärchen” (1811-1812), Л. Тика («Сирена», (“Die Sirene” (1799-1800), Ф. де ла Мотт Фуке («Ундина» (“Undine” (1811), Й. Эйхендорфа «Лесной разговор» (“Waldgesprach” (1812), «Тихая долина» (“Der stille Grund” (1835), «Река Заале» (“Die Saale” (1839), братьев Гримм (сказки «Русалка» (“Die Wassernixe” (1816) и «Русалка в пруду» (“Die Nixe im Teich” (1818), О.Г. фон Лебена («Скала Лорелеи» (“Der Lurleyfels”(1821), Г. Гейне («Лорелея» (“Loreley” (1823), Э. Мёрике («История Прекрасной Лау» (“Die Historie von der schönen Lau” (1853), цикл баллад «Сказки о моряках и русалках» (“Schiffer- und Nixen-Märchen” (1824) и др., а также произведения отечественных писателей эпохи романтизма: А.С. Пушкина (стихотворение «Русалка» (1825), драма «Русалка» (1829 – 1830), Н.В. Гоголя («Страшная месть» (1829 – 1832), «Майская ночь, или Утопленница» (1831-1832), «Вий» (1833), М.Ю. Лермонтова (баллада «Русалка» (1832), «Морская царевна» (1841), А.И. Одоевского («Василько» (1832), О.М. Сомова («Русалка» (1829), «Купалов вечер» (1831), В.И. Даля «Башкирская русалка» (1843) и др.

Научная новизна работы состоит в том, что в ней впервые осуществлено комплексное рассмотрение мотива «водной девы» в литературе эпохи романтизма Германии и России, выявлены его фольклорно-мифологические корни, проанализированы художественные особенности воплощения, обусловленные национальной принадлежностью.

Цель диссертационной работы – исследование художественного воплощения мотива «водной девы» в творчестве немецких и русских романтиков.

Поставленная цель обусловила следующие **задачи** исследования:

- 1) проследить истоки возникновения мотива «водной девы»;
- 2) выявить особенности его функционирования в немецкой и русской литературе эпохи романтизма;
- 3) сравнить оригинальную немецкую повесть Ф. де ла Мотт Фуке «Ундина» с русским стихотворным переводом В.А. Жуковского и выявить особенности воплощения мотива «водной девы», а также связанных с ним мотивов «души» и «свободы» в творчестве изучаемых авторов;
- 4) дать анализ драматического воплощения образа «водной девы» в русской культуре, как реализацию синтеза западноевропейских и русских фольклорных, литературных, театральных традиций.

Поставленные задачи определили методологию исследования. В работе использованы сравнительно-исторический, культурно-исторический и мотивный методы.

Центральное теоретическое понятие исследования – «мотив» – представлено в работах А.Н. Веселовского, А.Л. Бёма, А.И. Белецкого, В.Я. Проппа, Б.В. Томашевского, В.Б. Шкловского, А.П. Скафтымова, Е.М. Мелетинского, Ю.М. Лотмана, О.М. Фрейденберг, В.Е. Хализева, Б.М. Гаспарова, С. Томпсона, В. Кайзера, Г.фон Вильперта, Э. Френцель, Р. Грюбеля и др.

В диссертации под мотивом, вслед за Б.М. Гаспаровым, понимается «любой феномен, любое смысловое «пятно», событие, черта характера, элемент ландшафта, любой предмет, произнесенное слово, краски, звуки и т.д.; единственное, что определяет мотив – это его репродукция в тексте»³⁵.

³⁵ Гаспаров Б.М. Литературные лейтмотивы. – М.: Наука, 1944. – С.306.

Положения, выносимые на защиту:

1. Мотив «водной девы» в немецком и русском романтизме имеет в своей основе общий мифологический образ «облачной девы», который остался в фольклорном воплощении в виде отдельных черт. На становление фольклорного образа немецкой и русской «водной девы» оказали влияние различные исторические, климатические, мировоззренческие факторы. Образ из устного народного творчества стал основой литературного мотива «водной девы». В русской литературе его формирование было обусловлено влиянием немецкой культуры, которое реализовывалось через переводческую деятельность и заимствование образов, сюжетов.

2. В немецкой литературе мотив «водной девы» представлен как определённый комплекс мотивов (мотив «очаровывания», «вины», «обмана», «запрета», «мести», «смерти» и др.), который воплощается даже при отсутствии центрального образа «водной девы».

3. «Водная дева» в русской литературе представлена в мифологическом плане как «облачная» (это можно увидеть в сказках «Марья Моревна», «Морской царь и Василиса Премудрая»), что отразилось в творчестве Н.В. Гоголя, где героиня воспринималась как «светящееся» существо, противопоставленное злу, страдающее. В русской литературе получил распространение образ русалки, вышедший из обрядовых действий (отразилось в жанровом воплощении: драма «Русалка» Пушкина) и подвергшийся влиянию православия, что явилось причиной изображения либо однозначно демонического, греховного (например, «Русалка» Пушкина, «Василько» Одоевского, «Купалов вечер» Сомова, «Русалка» Муравьёва), либо существа, не осознающего своей вины (Лермонтов «Русалка»).

4. Православное влияние выражено и в переводной повести В.А. Жуковского «Ундина». На образном уровне это проявилось в использовании христианских образов-символов голубки, трилистника (у Фуке – фиалка). Для воплощения мотива «водной девы» ключевыми стали такие мотивы, как «душа», «страдание» и мотив свободы.

Теоретическая значимость диссертационного исследования заключается в том, что его результаты помогают расширить представление о русско-немецких литературных связях эпохи романтизма, выявляют национальные особенности воплощения мотива «водной девы» и способствуют формированию более полной картины литературного процесса начала XIX века.

Практическая значимость работы состоит в том, что полученные результаты могут использоваться для подготовки лекционных и семинарских занятий по курсу истории русской и зарубежной литературы XIX века, а также при составлении учебных пособий по русско-зарубежным литературным связям и межкультурной коммуникации.

Апробация работы. Материалы диссертационной работы явились обобщением теоретических и эмпирических исследований, проводившихся автором. Ключевые положения исследования отражены в 20 публикациях. Отдельные положения диссертации были представлены в виде докладов на научных конференциях: XXI Пуришевских чтениях (Москва, 2009), международном молодежном научном форуме «Ломоносов-2010» (Москва, 2010), всероссийской научной школе для молодёжи «Текстология сегодня: итоги, проблемы, методы» (Москва, 2010), международной конференции молодых учёных «Проблемы языковой картины мира на современном этапе» (Нижний Новгород, 2007, 2008, 2009, 2010, 2011), всероссийской научной конференции «Русско-зарубежные литературные связи» (Нижний Новгород, 2006, 2008, 2010), всероссийской научной конференции «Интеграционные технологии в преподавании филологических дисциплин» (Нижний Новгород, 2009).

Структура работы соответствует поставленным цели и задачам и включает в себя: введение, четыре главы, каждая из которых состоит из двух параграфов, заключение и библиографический указатель литературы, насчитывающий 299 наименования, из них 65 на немецком языке. Общий объём диссертации составляет 226 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** рассматривается история вопроса, даётся обзор отечественных и зарубежных исследований, посвящённых мотиву «водной девы», определяется актуальность и новизна выбранной темы, устанавливается цель исследования и задачи, решение которых необходимо для достижения поставленной цели, обосновывается теоретическая и практическая значимость работы.

Первая глава – «Фольклорно-мифологические истоки мотива «водной девы» – устанавливает общие для немецкой и русской культур мифологические корни мотива «водной девы», восходящие к представлениям о «всесветном океане» и «облачной девице»³⁶.

Отмечено, что женские образы, которые у разных народов являлись олицетворением водной стихии, воплощали заложенное в ней противоречие: возможность давать и забирать жизнь.

Первый параграф «Фольклорные истоки немецкой «водной девы» раскрывает особенности фольклорно-мифологического бытования нескольких видов «водных дев», ставших источником появления мотива в литературе. Я. Гримм в книге «Немецкая мифология» (“Deutsche Mythologie” (1835) указывал на двойное проявление образа духов воды (“der Wassergeist”): в качестве мудрых дев, валькирий, показывающихся в источнике в виде лебедей (“Schwanjungfrauen”), и непосредственно водных жителей (“Meerwunder”, “Wassermann”, “Seejungfer” и др.)³⁷. Автор подчёркивал значимость для водных духов искусства танца, песни и музыки. Ф. Шонверт выделял несколько видов «водных дев», которые фигурировали в немецких сказаниях и которые сам народ очень чётко разделял: “Sirenen” (“Meerfräulein”/“Meerfrau” oder “Seenjungfrauen”), “die

³⁶ В своих рассуждениях мы опирались на исследования Я. Гримма («Немецкая мифология» (“Deutsche Mythologie” (1835), который первым заговорил об исконном родстве и едином происхождении всех индоевропейских народов на основании родства мифологии, и его последователя в отечественной науке А.Н. Афанасьева (Поэтические воззрения славян на природу: Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов (1865-1869 гг).

³⁷ Grimm J. Deutsche Mythologie. – Göttingen, 1835. – S.275.

Nixe” (“Wasserfräulein”/“Wasserfrau”), “Wasserweiblein”³⁸. Сирены с чудным голосом, являющиеся романским заимствованием, жестокие и губящие обманом, русалки, которые способны на жестокость только из мести и водные женщины – бродячие души. Отдельное место уделено легенде о Лорелеи, ставшей всемирно известной в XIX веке благодаря творчеству романтиков. Она стала началом воплощения мотива «водной девы» в литературе.

«Облачные/водяные девы» и русалки славянского фольклора рассмотрены во втором параграфе. Отмечена тесная связь славянской фольклорной «водной девы» с «облачной», так как образ русалки часто соотносился с птицей (сказка «Морской царь и Василиса Премудрая», сказочная поэма «Садко»). Воплощение в устном народном творчестве «водной/облачной девы» связано с мотивом «отдать то, чего дома не знаешь» (как плата за любопытство), характерным и для немецких сказок. Большое влияние на формирование образа русалки в русской культуре оказало принятие христианства: дух языческого пантеона стал восприниматься как демонологическое существо.

В параграфе рассмотрены народные представления о происхождении русалок, отмечена связь с весенне-летними обрядами, выделены их вредоносные свойства: они нападают и замучивают до смерти (щиплют, кусают, душат, щекочут). Вслед за Д.К. Зелениным³⁹ подчеркнута своеобразие и неповторимость русской фольклорной «водной девы». Представлены особенности воплощения образа в фольклорных жанрах: как отмечала Э.В. Померанцева⁴⁰, русалка встречалась преимущественно в быличках и бывальщинах, в восточнославянских лирических песнях (это единственный образ низшей мифологии, который присутствовал в песне), редко «водная дева» воплощалась в сказках.

³⁸ Schönwerth F. Aus der Oberpfalz. Sitten und Sagen. - Augsburg, 1858. - S. 190-199.

³⁹ Зеленин Д.К. Избранные труды. Очерки русской мифологии: Умершие неестественной смертью и русалки. - М.: Индрик, 1995.

⁴⁰ Померанцева Э.В. Мифологические персонажи в русском фольклоре. – М.: Наука, 1975.

Вторая глава - «Мотив «водной девы» в произведениях немецкого и русского романтизма» - представляет собой анализ особенностей появления и воплощения мотива в творчестве немецких и русских писателей-романтиков.

В первом параграфе «Художественное воплощение мотива «водной девы» в произведениях немецких романтиков» было проанализировано зарождение мотива в жанре баллады, близком к устному народному творчеству. Произведением, предвосхищающим тему «водной девы» в немецкой литературе, стала баллада И.В. Гёте «Рыбак» (“Der Fischer” (1778), однако в ней героиня лишена конкретных характеристик, она является воплощением водной стихии. Источником распространения образа «водной девы» в немецком романтизме стала баллада гейдельбергского романтика Brentano «Лорелея» (“Lore Ley”), в которой появился мотив пения героини – земной женщины, познавшей разочарование в любви и страдающей от собственной красоты, а также важный хромотопический мотив скалы. Образ Лорелеи привлек внимание другого немецкого романтика – Й. Эйхендорфа, который ввёл в описание героини элемент, ставший устойчивым атрибутом немецкой «водной девы», – золотые волосы. Данная деталь – черта мифологической «облачной девы». Эйхендорфу свойственно для реализации мотива «водной девы» использование образа леса («Лесной разговор» (“Waldgesprach”), «Тихая долина» (“Der stille Grund”) и др.). В творчестве автора воплотился мотив заманивания, где главным являлась не волшебная красота, а материальные блага («Река Заале» (“Die Saale”), и мотив «узнавания/неузнавания» героини («Лесной разговор» (“Waldgesprach”).

Л. Тик связывал образ «водной девы» с мотивом томления, плотской любовью («Сирена» (“Die Sirene”).

О. Г. фон Лебен в «Скале Лорелеи» (“Der Lurleyfels”) отказался от описания золотых волос и отодвинул мотив пения на второй план. Для него визуальные характеристики в образе девушки приобрели

доминирующее значение.

Всемирную известность получило стихотворение Г. Гейне («Лорелея» (“Loreley”)), не обладающее балладной фабулой Brentano. Лорелея Гейне - это образец традиционного воплощения образа «водной девы»: красота девушки, золото волос, расчёсываемых золотым гребнем, прекрасное пение, заманивающее путников и губящее их (элемент, заимствованный у образов античных сирен).

Особое воплощение мотив «водной девы» нашёл в сказках. Пограничное положение между жанром баллады и сказки занял стихотворный цикл Э. Мёрике «Сказки о моряках и русалках» (“Schiffer- und Nixen-Märchen”). Взаимоотношения с «водной девой» в цикле сказок оказались для героя губительными (или угрожали гибелью), но в большинстве случаев это результат необдуманной деятельности его самого. При воплощении мотива «водной девы» автор актуализировал мотив вины героя (тщеславие, жажда богатства, нарушение запрета и др.). Мёрике в «Истории Прекрасной Лау» (“Die Historie von der schönen Lau”) соотнёс героиню с образом обыкновенной женщины: в центре оказалось понятие счастья, связанного с рождением ребёнка, которого возможно достичь лишь рассмеявшись. Поэтому важен мотив смеха, приблизивший Лау к людям, которые помогли ей достичь желаемого.

В «Рейнских сказках» (“Rheinmärchen”) Brentano, которые наполнены реминисценциями и аллюзиями на известные мифологические, сказочные сюжеты, древненемецкие легенды и предания, важную роль для создания мотива «водной девы» сыграл мотив «узнавания/неузнавания». «Водные девы» в сказках служили воплощением источников: рек, колодцев. Автор уделил большое внимание этнографическим описаниям. Образ Лорелеи связан с легендой о кладе Нибеллунгов, являясь также натурфилософским представлением о воплощении одной из природных стихий. Большую роль для реализации сюжета в сказках сыграли мотив нарушения запрета, мотив превращения, восходящий к легенде о Мелюзине.

В главе также была рассмотрена авторская интерпретация фольклорных представлений о «водной деве» - литературные сказки братьев Гримм 1816-1818 гг. – «Русалка» (“Die Wassernixe”) и «Русалка в пруду» (“Die Nixe im Teich”). Сюжет последней был воплощён в сказке Л. Бехштейна «Мельник и русалка» (Der Müller und die Nixe (1847). При сравнительном анализе двух вариантов одного сюжета выявлено их концептуальное отличие. На фоне враждебного отношения к человеку «водной девы» важным стало понятие счастья, соотносимое с материальным благополучием, которым пленился герой, заманиваемый «водной девой». У Бехштейна на лексическом уровне акцент поставлен на доминирующей концепции счастья, как возможности быть рядом с близким и любимым человеком.

На основании анализа текстов Брентано, Гейне, Эйхендорфа, Лебена, Мёрике, братьев Гримм и др. был сделан вывод о том, что для воплощения мотива «водной девы» важен комплекс таких мотивов, как: неравенства (герои принадлежат к разным социальным мирам, или реальному/нереальному миру) – мотив запрета, наложенного героиней (с ним связан мотив узнавания, как нарушение запрета, и мотив обмана) – мотив брака – мотив выбора (другой жены, как правило, равной герою) – мотив вины героя (понятие «вины» широкое: из-за нарушения запрета, из-за собственного тщеславия, жажды богатства и др.) – мотив мести – мотив очаровывания героя (пение, внешняя красота) – мотив смерти героя (как правило, по его собственной вине). Характерно наличие хронотопических образов-мотивов: скала (замок на скале), река (как правило, это Рейн, Дунай, либо любой другой водоём: озеро, пруд, колодец), лес; полночь, луна, тени, тишина. Вариация каждого из указанных мотивов в итоге создала особый мотив «водной девы», для воплощения которого не обязательно присутствие всех элементов данной схемы. Пропуск какого-либо из мотивов, не разрушая общей картины, явился способом вариации. Образ «водной девы» не обязательно проявлялся в тексте: на его месте могло быть воплощение других стихий, или образ вообще отсутствовал, но мотив «водной девы» был

представлен.

Во втором параграфе «Мотив «водной девы» в русской литературе эпохи романтизма: синтез культурных традиций» было рассмотрено творчество Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Даля в свете интересующей проблемы. Выявлено, что в русской литературе XIX века прослеживалась тесная связь мотива «водной девы» с образом «всесветного океана», однако под воздействием национальной культуры, религиозных воззрений образ «водной девы» трансформировался, отделившись от своей «воздушной», «облачной» прародительницы. Мифологический и фольклорный образы органично соединились в творчестве Н.В. Гоголя: автор наделил русалку характеристиками «сверкания» и «света», что сблизило её с мифологической девой зари.

В русской литературе часто возникал мотив искушения телесной красотой, который сливался с образом русалки, как языческого персонажа, противопоставлялся христианскому мировоззрению и выражался в мотиве «водной девы». В немецкой литературе также реализовалась тема взаимоотношений «водной девы» и религиозного мировоззрения, но она не приобрела негативной окраски (Брентано «Лорелея», «Рейнские сказки», Мёрике «История Прекрасной Лау»). Я.Гримм в предисловии к «Немецкой мифологии» 1844 г. объяснял соседство язычества и христианства (католичества) тем, что католическая вера, хоть и не являлась многобожеством, была склонна к почитанию многочисленных святых и реликвий.

А.С. Пушкин в ранней балладе «Русалка» использовал приём двоемирия: противопоставлены мир аскетизма и мир плотской красоты, которую воплощает «водная дева». Монах, всю жизнь проведший в молитве, напуган неведомым ему желанием телесной красоты. Автор соотнёс понятие телесной красоты с природным началом. Такое соотношение характерно и для «Русалки» Муравьёва. Пушкин внёс важную характеристику в образ «водной девы» - хохот – громкий оглушительный смех, который в русской культуре связан с понятием греха. Мотив смеха был выделен в

произведениях Сомова («Купалов вечер»), Одоевского («Василько»), Муравьёва («Русалка»), Гоголя («Майская ночь, или Утопленница», «Страшная месть»). Было отмечено, что Гоголь в «Майской ночи, или Утопленнице» отошёл от традиционной трактовки смеха, говоря об усмешке-улыбке. Автор не рассматривал образ «водной девы» как воплощение греховного начала: она совершила самоубийство, но грех искупился перенесенными ею страданиями.

В балладах М.Ю. Лермонтова «Русалка» и «Морская царевна» мотив «водной девы» также связан с концепцией двоимирия. Но автор подчёркнул: в соприкосновении двух миров – мира человека и мира природы – тот, кто попал из своего мира в чужой, погиб.

Романтическое двоимирие, когда один из миров представлял собой плотское (природное) начало, под влиянием христианского мировоззрения трансформировалось в противопоставление мира православного и языческого (природного, демонического), который связан с образом русалки, воплощающей концепцию греха. Впервые это отразилось в поэме А. Одоевского «Василько». В русской литературе при отражении противостояния и сочетания языческой и христианской культур важным являлся образ Днепра (Одоевский «Василько», Сомов «Русалка», «Купалов вечер», Муравьёв «Русалка»). Несмотря на то, что в повести О.М. Сомова «Русалка» во многом повторился традиционный немецкий сюжет, мотив «водной девы» воплотился концептуально в ином русле, благодаря образу героини. Она связана с русальной неделей, лишена красоты, поскольку человек, совершивший тяжкий грех – самоубийство, не может быть привлекателен.

В авторской обработке фольклорной легенды повести В.И. Даля «Башкирская русалка» воплощение мотива «водной девы» подчинено влиянию исламской культуры, устанавливающей определённое место женщины в обществе. Именно этим объясняется отсутствие мотивов, сформированных в немецкой литературе и ставших традиционными в

воплощении мотива «водной девы». Здесь нет мотива измены, выбора между земной девушкой и девушкой – представительницей природной стихии, поскольку в исламской культуре принято многожёнство, эта проблема потеряла свою актуальность. Фантастический элемент был отодвинут на второй план, он служил объяснением исторических и географических фактов, особенностей ландшафта.

Зародившись в жанре баллады, в немецкой и русской литературе мотив «водной девы» нашёл разные жанровые формы для воплощения: для немецкой традиции – это баллада, стихотворение, литературная сказка; для русской – баллада, поэма, повесть. В немецкой балладе мотив более конкретизирован, чем в стихотворении, где зачастую образ «водной девы» отсутствовал. В авторских обработках фольклорных сказок братьев Гримм доминирующим явился образ самой русалки. В литературных сказках мотив-схема «водной девы» представлен вариативно более полно. Русской балладой был воспринят не столько мотив, сколько романтическая концепция двоимирия, одиночества личности, тогда как проблема мотива «водной девы» решилась в ином ментальном ключе. В повестях отмечено тяготение к фольклорным представлениям о «водной дева», которая здесь близка к «облачной дева» (повести Гоголя). Вместе с тем в этом жанре выражены общественные и мировоззренческие проблемы. В лиро-эпической поэме Одоевского «Василько», где проблема личности изображена на фоне исторических событий, «водная дева» стала элементом, отражающим противостояние язычества и православия на Руси. В романтической же поэме Пушкина «Руслан и Людмила» мотив «водной девы» явился средством разрешения внутреннего конфликта личности героев, индикатором их порядочности и нравственности.

Третья глава – «В.А. Жуковский и Ф. де ла Мотт Фуке: опыт сравнительного анализа» – посвящена выявлению национальных особенностей воплощения мотива «водной девы» в немецкой оригинальной повести и её русском переводе.

Первый параграф «Особенности вхождения повести Ф. де ла Мотт Фуке в историко-литературный процесс 30-х гг. XIX века» раскрывает восприятие немецкой повести в русской литературной среде. В параграфе была отмечена особая роль Жуковского-переводчика, благодаря которому русский читатель первой половины XIX века познакомился с поэтическим переводом повести Фуке, которая уже существовала в прозаическом переводе, но не приобрела популярности.

Второй параграф «Повесть Ф. де ла Мотт Фуке и поэма В.А. Жуковского: мотив души и свободы в оригинальном тексте и его интерпретации» посвящён детальному сравнению немецкого и русского текста, выявлению мотива «водной девы» и, связанных с ним мотивов в национальном контексте

Ундины в повести Фуке – воплощение натурфилософских идей, это дух водной стихии. Жуковский, полностью следуя за сюжетом оригинального немецкого произведения, трактовал образ Ундины с точки зрения православных взглядов. Он показал эволюцию героини (о чём свидетельствовал образ птицы, соотносимый с представлениями об «облачной деве», конкретизированный в христианский образ-символ голубки), а не превращение её из существа бездушного в настоящего человека с живой отзывчивой душой, как это можно увидеть в немецкой повести. Жуковский объяснил поведение девушки детскостью и непосредственностью. Её близость к природе, принадлежность к природной стихии – это отражение «детства» человечества, со свойственным ему восприятием мира. У Фуке получение души было целью героини. Важную роль в этом сыграла плотская любовь. В понимании Фуке, душа – это человеческая способность страдать, у Жуковского – это сострадание и главное – христианское смирение. С темой христианства связан и образ трилистника – родинки на теле Бергальды – христианском символе духовной сущности, соотносящимся с христианским пониманием души. В повести Фуке – это фиалка, являющаяся символом печали, скорби, неоправданных

ожиданий. С образом Ундины в повести Фуке и стихотворном переводе Жуковского связан мотив свободы, воплощённый также в образах священнослужителя, Кюлеборна (в переводе Жуковского – Струя) и рыцаря.

Важной в переводном тексте явилась реализация оппозиции «свет-тьма», связанная как с христианской традицией, так и уходящая вглубь славянской мифологии. Семантика света воплощена в образах небесного света и огня, соотнесена с главным героем Гульдбрандом (об этом свидетельствуют: в переводе имя героя – Гульбранд⁴¹; сочетание оттенков красного, фиалково-голубого и золотого в описании его одежды, что выстроило небесно-солнечную картину восприятия героя; сравнение с Перуном). Семантика тьмы соотнесена с образом леса. С мотивом «водной девы» связан мотив «узнавания/неузнавания» героини, традиционный для немецкого романтизма, но у Фуке он нейтрализован: герой вступает в брак, зная, что перед ним дух.

«Драматическому воплощению образа «водной девы, его истокам, традициям, новаторству» посвящена Четвёртая глава работы.

В первом параграфе «История театрального «русалочьего сюжета» было рассмотрено восприятие мотива «водной девы» театральным искусством (речь идёт об интерпретации российским литератором Н.С. Краснопольским и композиторами С.И. Давыдовым и К. Кавосом австрийского зингшпиля “Das Donauweibchen”, появившегося на сцене под названием «Днепровская русалка»), через которое он попал в литературу и воплотился в драме Пушкина. В «Днепровской русалке» были изменены имена героев, действие перенесено в древнюю Русь, акцент сделан на патриотических чувствах. Русский текст насыщен российскими эквивалентами немецких пословиц и поговорок, русифицированным пониманием душевных состояний, что придало национальный колорит. Кроме того, текст был значительно сокращён: отсутствовали «чувственные»

⁴¹ “Huldbrand”: die Huld” – милость, благосклонность, с пометкой «выс.»; “der Brand” - пожар, горение, обжиг, пер. пол. Жуковский снимает «возвышенность», убирая из имени букву «д», сохраняя при этом значение огня, которое в переводе было доминирующим, но осталось бы не замеченным русским читателем.

речи Гульды, фрагменты мистики, а также те, которые противоречили русским обрядам (например, кубок в руках невесты – на Руси молодым запрещали употреблять алкоголь во время свадьбы), намёки на запретный смысл любовных отношений в российском варианте были «замаскированы».

Во втором параграфе «Драма А.С. Пушкина «Русалка»: традиционное и новое», помимо сюжетного сходства, была проанализирована общность мифопоэтики повести Н.М. Карамзина «Бедная Лиза» и драмы А.С. Пушкина. Точкой соприкосновения явился воплощающий в себе концепцию мирового древа образ дуба, который сопровождал драматическую и эпическую героинь, их переход из мира живых в мир мёртвых. Был рассмотрен также связанный с образом дуба шум опадающих листьев, свидетельствующих о приближающейся зиме-смерти. В драме Пушкина выявлена особая роль образов-символов, связанных с дубом: ворон, ожерелье-змея, которое опутало шею девушки.

Вслед за И.Н. Ждановым, были отмечены черты сходства «Русалки» Пушкина и «Русалки» Краснопольского. Проанализированы отличительные особенности произведений, в основе которых лежало представление о национальном колорите. В основе – традиционный сюжет об обманутой любви бедной девушки, покончившей самоубийством и ставшей русалкой. У Пушкина этот образ получил живое, психологически-реальное воплощение.

В параграфе отмечено, что заимствованный Пушкиным сюжет «Русалки» оказался закономерен для русской культуры, воплотившись в жанре драмы, поскольку образ фольклорной русалки восходил к обрядовым действиям. В немецкой литературе воплощение мотива «водной девы» в жанре драмы отмечено не было⁴².

В Заключении подводятся итоги исследования. Мотив «водной девы», сформировавшийся в эпоху гейдельбергского романтизма и выраженный в литературе первой половины XIX века, имел общие мифологические корни.

⁴² Э.Т.А. Гофман создал оперу «Ундина» (1816), либретто к которой написал Фуке. В 1845 г. появилась опера А. Лорцинга «Ундина», либретто было написано самим композитором.

Концептуальное отличие мотива «водной девы» в немецкой и русской литературе эпохи романтизма состояло в том, что для реализации немецкого мотива «водной девы» характерны многообразные вариации определённой схемы, состоящей из сочетания устойчивых мотивов-образов, мотивов-сюжетов. При этом отсутствие или видоизменение какого-либо из мотивов не мешало реализовываться общей концепции. При таком рассмотрении терминологически мотив «водной девы» прочитывался как бродячий сюжет. Однако в контексте соотношения с русской литературой, которая не только создала вариации исследуемого мотива, но и особое национальное воплощение, часто не связанное с немецкой традицией, для которого концептуально важен мотив-образ русалки, понятие мотива особенно ярко отразило специфику немецкой и русской литератур.

В отечественной литературе эпохи романтизма присутствовало две основные тенденции воплощения мотива «водной девы»: героиня, принадлежащая демоническому миру, сознательно губила героя или выступала как враждебное начало, отражая борьбу языческого и христианского мировоззрений (Сомов «Купалов вечер», Одоевский «Василько», Муравьёв «Русалка»); «водная дева» представляла собой существо, которое, не осознавая того, являлось причиной гибели (Лермонтов «Русалка»), или смерть героя была актом его доброй воли, не связанным с местью героини (Даль «Башкирская русалка»), русалка могла помогать человеку (Гоголь «Майская ночь, или Утопленница»).

Основное содержание диссертации отражено в следующих публикациях:

Публикации в журналах, входящих в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, рекомендованных ВАК:

1. Христианские (православные) образы и мотивы как отражение национальной картины мира в переводном тексте (на примере анализа повести Ф. де ла Мотт Фуке «Ундина» и стихотворного перевода В.А. Жуковского «Ундина») // Вестник Вятского государственного университета. Филология и искусствоведение. Научный журнал. – 2010. – №1 (2). С. – 145-149. – 0.3 п.л.

Публикации в журналах и сборниках научных трудов:

2. «Лорелея» К. Brentano и «Ундина» Ф. де ла Мотт Фуке: две

интерпретации образа «водной девы» в немецком романтизме // Анализ художественного произведения мировой литературы в школе и вузе. Методические рекомендации для студентов филологического факультета. – Выпуск XIV. – Н.Новгород, 2006. – С.29-34. – 0,3 п.л.

3. Образ «водной девы» в творчестве немецких и русских романтиков // Русско-зарубежные литературные связи: Межвуз.сб.науч.тр. – Н. Новгород: НГПУ, 2006. – С.327-337. – 0,6 п.л.

4. Общность мифопоэтической образности повести Н.М.Карамзина «Бедная Лиза» и драме А.С.Пушкина «Русалка» // Проблемы языковой картины мира на современном этапе: Сб. статей по материалам Всероссийской научной конференции молодых учёных. Вып. VI. 14-15 марта 2007г. – Н.Новгород: НГПУ, 2007. – С. 205-207. – 0, 1 п.л.

5. Мифопоэтическая образность повести Н.М. Карамзина «Бедная Лиза» и драмы А.С. Пушкина «Русалка» // НЕОФИТ. Вып.4: Сб. научно-практической конференции студентов и магистрантов НГПУ. – Н.Новгород: НГПУ, 2007. – С.76. – 0,1 п.л.

6. Мотив цветка в художественном мире немецких и русских романтиков (на примере анализа повести Ф. де ла Мотт Фуке «Ундина» и поэтического перевода В.А. Жуковского «Ундина») // Синтез культурных традиций в художественном произведении; Межвуз.сб.науч.тр.– Н.Новгород: НГПУ, 2007. – С.47-50. – 0, 2 п.л.

7. Мотив «души» в художественном мире немецких и русских романтиков (на примере анализа повести Ф. де ла Мотт Фуке «Ундина» и поэтического перевода В.А.Жуковского «Ундина») // Проблемы языковой картины мира на современном этапе: Сб. статей по материалам Всероссийской научной конференции молодых учёных. Вып. VII. 12-13 марта 2008. – Н.Новгород: НГПУ, 2008. – С.235-237. – 0, 1 п.л.

8. Образ Днепра в картине мира русских романтиков (на примере повести О.М. Сомова «Русалка» и поэмы А.И. Одоевского «Василько») // НЕОФИТ. Вып.5: Сб.научно-практической конференции студентов и магистрантов НГПУ. – Н.Новгород: НГПУ, 2008. – С.6. – 0, 1 п.л.

9. Мотив «свободы» в художественном мире немецких и русских романтиков (на примере анализа повести Ф. де ла Мотт Фуке «Ундина» и поэтического перевода В.А. Жуковского «Ундина») // Анализ художественного произведения мировой литературы в школе и вузе. Методические рекомендации для студентов филологического факультета. Вып. XVI. – Н.Новгород: НГПУ, 2008. – С.29-33. – 0, 3 п.л.

10. Специфика сюжета в прозе немецкого и русского романтизма // Русско-зарубежные связи: Межвуз.сб.науч.тр. Вып.3. – Н.Новгород: НГПУ, 2008. – С.133-137. – 0, 3 п.л.

11. Повесть Ф. де ла Мотт Фуке «Ундина» и её оперное воплощение // Пуришевские чтения: Сборник статей и материалов международной конференции. – М., 2009. – С.161-162. – 0, 1 п.л.

12. Антитеза «свет-тьма» в оригинальном и переводном текстах (на

примере анализа повести Ф. де ла Мотт Фуке «Ундина» и стихотворного перевода В.А. Жуковского «Ундина») // Проблемы языковой картины мира на современном этапе: Сб. статей по материалам Международной научной конференции молодых учёных. Вып. XII. 24-25 марта 2009. – Н.Новгород: НГПУ. – С.186-189. – 0, 2 п.л.

13. Проблема перевода, отражение культурных традиций в оригинальном и переводном текстах на уроках литературы и иностранного языка в средне-специальных учебных заведениях (На примере рассмотрения особенности воплощения образа Лорелеи в немецком и русском текстах) // Интеграционные технологии в преподавании филологических дисциплин: Материалы II Всероссийской научной конференции. – Н.Новгород: НГПУ, 2009. – С.201-205. – 0, 3 п.л.

14. Опера «Ундина» Э.Т.А. Гофмана как реализация музыкального потенциала повести Ф. де ла Мотт Фуке «Ундина» // Синтез культурных традиций в художественном произведении: Межвуз.сб. науч.тр. – Н.Новгород: НГПУ, 2009. – С.58-61. – 0, 2 п.л.

15. Отражение национальных особенностей в изображении образа «водной девы» в оригинальном и переводном тексте (на примере анализа стихотворения К. Брентано «Лорелея» и перевода А. Ревича) // Электронный носитель. Ломоносов-2010: Материалы Международного молодежного научного форума Ломоносов-2010. Москва: МАКС-Пресс, 2010 ISBN 978-5-317-03197-8.

16. Образ «водной девы» в картине мира Э. Мёрике (на примере анализа цикла «Сказок о моряках и русалках») // Проблемы языковой картины Международной научной конференции молодых учёных. Вып. IX. 17-18 марта 2010. – Н.Новгород: НГПУ, 2010. – С. 243-249. – 0, 4 п.л.

17. Мотив «счастья»: интерпретация одного сюжета о «водной деве» в сказках братьев Гримм «Русалка в пруду» и Л. Бехштейна «Мельник и русалка» // Русско-зарубежные литературные связи: Межвуз.сб.науч.тр. Вып. IV. – Н.Новгород: НГПУ, 2010. – С.132-135. – 0, 2 п.л.

18. Баллада И.В.Гёте «Рыбак»(1778) как начало традиции воплощения образа «водной девы» в немецком романтизме и перевод В.А.Жуковского («Рыбак», 1818) как концептуальное выражение идей автора // Текстология сегодня: итоги, проблемы, методы: Материалы Всероссийской научной школы для молодёжи. 8-20 ноября 2010 г. – М.: РУДН, 2010. – С.114-118. – 0,3 п.л.

19. Мотив «водной девы» в творчестве Й. Эйхендорфа // Проблемы языковой картины мира на современном этапе. Сб. статей по материалам Международной научной конференции молодых учёных. Вып. X. 16-17 марта 2011. – Н.Новгород: НГПУ, 2011. – С. 222-225. – 0, 2 п.л.

20. Мотив «водной девы» в русской литературе эпохи романтизма // Вестник Вятского государственного университета. Филология и искусствоведение. Научный журнал. – 2011. – №4 (2). – 0,5 п.л.